

- № 3 [Костин 1898, 104—116].
 № 4 [Виноградов 1905].
 № 5 [Виноградов 1912, 16—52].
 № 6 [Виноградов 1912, 53—96].
 № 7 [Виноградов 1912, 97—166].
 № 8 [Виноградов 1912, 167—188].
 № 9 [Ончуков 1909, 227—230].
 № 10 [Ончуков 1911, 1—47].
 № 11 [Ончуков 1911, 48—69].
 № 12 [Мякутин 1910, 257—302].
 № 13 [Акимова 1948, 29—38].
 № 14 [Берков 1959, 336—358].
 № 15 — ГЦТМ. Ф. 216. № 15/528.
 № 16 — ГЦТМ. Ф. 216. № 1025.
 № 17 — ГЦТМ. Ф. 216. № 1026.
 № 18 — ГЦТМ. Ф. 216. № 1027.
 № 19 — Архив РАН. Ф. 1651. Ед. хр. 140.
 № 20 — ГЦТМ. Ф. 216. № 1023.
 № 21 [Васильев 1898, 83—100].
 № 22 [Каалаш 1898, 52—59].
 № 23 [Абрамов 1904, 270—298].
 № 24 [Мезерницкий 1908].
 № 25 [Волков 1912, № 4, 326—336].
 № 26 [Бессараба 1916, 374—388].
 № 27 [Бессараба 1916, 388—401].
 № 28 [Гай-Сагайдачная 1910, 350—354].
 № 29 [Джерела народного театру на Ук-
 раїні, 173—184].
 № 30 [Джерела народного театру на Ук-
 раїні, 184—189].
 № 31 — РГАЛИ. Ф. 1235. Ед. хр. 12.
 С. 60—66.
 № 32 — РГАЛИ. Ф. 1235. Ед. хр. 12.
 С. 67—78.
 № 33 [Романов 1891, 273—283].
 № 34 [Грузинский 1898, 161—168]

Сокращения

Архив РАН — Архив Российской академии наук.

ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.

Известия ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.

Summary. Doctor is a popular character of Russian drama of the end of 17th — 18th centuries and the folk play “Tsar Maximilian”. There are some similar features in its interpretation in intermedia and folk play, but the difference of these theater systems defines specific character of the figure in each of them.

Key words: folklore, folk theater, Russian drama of the end of 17th — 18th centuries, comical, figure.

А. Е. ЧЕРНОВА

(Москва)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОБРАЗЫ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В СТИХОТВОРЕНИИ Н. М. РУБЦОВА «ЖУРАВЛИ»

Аннотация. В статье исследована роль пространственных и временных фольклорных образов в стихотворении Н. М. Рубцова «Журавли». Показано, как воплощается в художественных образах характерное для русского народного национального сознания стремление к неразрывности, синтезу земного и небесного, временного, преходящего и вечного.

Ключевые слова: фольклоризм, фольклорный образ, русская поэзия, национальная ментальность, психологический параллелизм, волшебная сказка.

Фольклоризм в литературном тексте может присутствовать на нескольких уровнях. Если для одних писателей характерна сознательная установка на использование фольклорных приемов и сюжетов, что проявляется в прямом заимствовании, переработке и стилизации, то для других — устное народное творчество подобно скорее «исходной культурной первоматерии», непосредственно связанной с традиционным отношением к миру, с особенностью видения этого мира [Налепин 2009, 336]. В таких случаях оно, по определению Р. Гамзатова, является «средоточием нравственного и эстетического опыта народа, его гуманистических идеалов и художественной энергии» [Гамзатов 1991, 122].

Так, в поэзии Николая Рубцова мы не найдем сознательного обращения к сюжетам и художественным приемам различных фольклорных жанров. Однако здесь мы обнаруживаем закрепившиеся в фольклоре, свойственное народному сознанию восприятие пространственно-временных отношений.

В чем особенность фольклорного воплощения категорий пространства и времени и в какие образы облекаются они в лирике Н. Рубцова? Рассмотрим этот вопрос на примере его стихотворения «Журавли».

Напомним текст:

Меж болотных стволов красовался восток
огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг
журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные
крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым
вдали...
Широко по Руси предназначенный срок
увяданья
Возвещают они, как сказание древних
страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает
рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных
птиц.
Широко по Руси машут птицам согласные
руки.
И забытость болот, и утраты знобящих
полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные
звуки,
Далеко разгласит улетающий плач
журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее
ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев
своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа
и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж
не выразит их...
[Рубцов 2006, 321]

Первый вариант этого стихотворения был написан еще в середине 1960-х гг. и вошел в сборник «Звезда полей» (1967). Однако потом, на протяжении нескольких лет, поэт не возвращался к «Журавлям». Он переписывает текст, меняет отдельные слова, подбирая более точные. Трансформирует ритмический рисунок, спуская ниже последнее слово строки по подобию «лестницы» и расставляя тем самым интонационные и логические ударения более четко, с нажимом. Некоторые изменения коснутся и знаков препинания — всё это свидетельствует об особой пристальном внимании Н. Рубцова к форме стихотворения. Но работа над формой не являлась основной и единственной задачей поэта. Форма связана с внутренним содержанием, не только зависит, но и определяется им. Как замечал сам Н. М. Рубцов в письме к

А. Я. Яшину: «Главное, чтоб за любимыми формами стояло подлинное настроение, переживание, которое, собственно, и создает, независимо от нас, форму. А значит, еще главное — богатство переживаний, настроений (что опять не от нас зависит), дабы не было бедности, застоя интонаций, форм...» (3 ноября 1964 г. [Рубцов 2000]).

Итак, подлинное настроение и богатство переживаний занимают в творческих устремлениях Николая Рубцова первое по художественной значимости место и определяются им не как что-то рациональное, достижимое кропотливой работой и ежедневным трудом, но, напротив, уподобляются некоей силе, нисходящей и словно бы озаряющей поэта. Эта сила созревала и хранилась в народном сознании, она впитывается душой творческого человека невидимо, непознанными и до конца не поз-

наваемыми путями. Индивидуальное, личностное начало сопряжено с национальной ментальностью, и конкретные особенности характера лирического героя, оттенки его настроения неотделимы от фольклорного мировосприятия, воплощенного посредством традиционных художественных образов.

Внешние реалии стихотворения, на первый взгляд, просты и обычны. Наступила осень. Природа увядает, и стаи перелетных птиц — журавлей — проносятся над городами и селами. Мотив «осени» и «октября» — как средоточия осенних примет — один из ведущих в русской литературе. Пожалуй, в творчестве любого поэта можно найти стихи, посвященные осеннему увяданию, где описание природы соответствует печальным, элегическим размышлениям лирического героя. Вспомним хотя бы Пушкина:

Октябрь уж наступил — уж роша
отряхает
Последние листы с нагих своих
ветвей...

На наш взгляд, «Журавли» Н. Рубцова отличаются тем, что, продолжая традицию русской литературы, таят в себе особое содержание, воплощенное в фольклорных образах пространства и времени.

В первом варианте поэт вводит в стихотворение особые приметы сентябрьской природы. Во втором же варианте меняет сентябрь на октябрь. Тем самым отсекается переходность, размытость временных оттенков, свойственных сентябрю, когда летние признаки — теплая погода, густая зелень, сухой ветер — уживаются с признаками ранней осени. Лето в народном сознании — время зрелости, расцвета природы, пробудившейся весной; время полноты и завершения развития. Осень — пора увядания, она связана с темой утраты и смерти. «Забытость болот», «утрата знобящих полей», сиротливость природы — одновременно характеристика и времени, и пространства.

Пространство «Журавлей» можно разделить на две онтологические сферы: земля и небо. Причем если земля

описывается подробно, представлена через конкретные детали, то небесное пространство — скорее подразумевается. Основная характеристика земли — болото. В небольшом стихотворении, состоящим из 84 слов, слово «болото» повторяется 3 раза: «болотные стволы», «болото, забытое вдаль», «забытость болот». Обратимся к народному мировосприятию. В системе народных представлений болото — символ чего-то недоброго и даже зловещего, затхлого, не способного к движению и развитию. «По верованиям восточных и западных славян, это опасное и нечистое место, где водятся черти» [Толстой 1995, 228]. Нравственный смысл слова «болото» в стихах Н. Рубцова близок к его народному пониманию.

Один из главных признаков болота — «забытость» — содержит в себе значение обездоленности, оставленности, тленности, оторванности от связи с «небесной сферой». В первой строчке стихотворения мы находим многозначное слово «восток»: «красовался восток огнеликий». Но здесь из всех нравственно насыщенных и духовно нагруженных значений этого слова используется лишь одно — земное и конкретное обозначение части горизонта, где восходит солнце. И хотя восток «огнеликий», хотя он «красовался», заключен он всё же «меж болотных стволов». И противостоять исходящим от болота «забытости», обездоленности, оставленности, тленности, разрыву с «небесной сферой» он не в состоянии. Образ «огнеликого востока», напротив, усиливает давящую тяжесть всех характеристик болота. Тогда становится очевидным, что «забытость» — это и забытьё, беспомощность.

В одном ряду с болотом пространственными точками обозначено знобящее поле и чердак. Художественный признак поля — утрата — близок к значению забытости болота; чердак — единственный элемент пространства, связанный с человеком, чердак — «мой», он высится над утратами полей и забытостью болот, он ближе к небу, по которому летят журавли. Тем самым чердак расположен на границе двух

миров и является местом их соприкосновения и пересечения. Подобная функция чердака приближена к значению границы в народном мифологическом сознании и народной волшебной сказке, той границы, что отделяет реальное царство, мир людей, от чудесного тридевятого царства, тридесятого государства, которое есть не что иное, как мифическое царство мертвых.

Тяжелый камень, столб с надписью о трех дорогах, высокая крутая гора, огненная река, избушка Бабы-яги и сама Баба-яга как проводник в загробное царство — всё это пространственные ориентиры сказочного мира. Герой волшебной сказки, встречая на своем пути определенный пространственный знак, переступает через него и оказывается в ином мире, в царстве мертвых, где «приобретает <...> чудесные свойства, а затем возрождается в новом качестве» [Зуева 2002, 150].

В стихотворении Н. Рубцова иное царство «самоявляется» через образ летящих, рыдающих в небе журавлей. Журавлиные крики опускаются на сиротливые поля и на забытые болота, они будят, зовут, разглашают небесные звуки, — и душа лирического героя в этот момент меняется, она преображается, устремляется от земного к небесному и от временного, преходящего — к вечному.

Небесное пространство имеет музыкальную основу, один из его главных признаков — звучание, и не случайно в первом варианте стихотворения журавлиные крики сравниваются с сигналом: «И разбудят меня, как сигнал, журавлиные крики». Так, именно с помощью звуков, небесное пространство соприкасается с земным.

Если основная характеристика земли — утрата и забытость, связанная с болотом, то небо, по принципу антитезы, характеризует категория обретения и памяти. Тема памяти передается посредством фольклорного в своей основе символа перелетных птиц — журавлей. А. Н. Афанасьев в труде «Поэтические воззрения славян на природу» пишет, что славяне «сохранили много трогательных рассказов о превращении усопших в легкокрылых птиц, в виде кото-

рых они навещают своих родичей. Как скоро душа покидает тело, она, смотря по характеру земной жизни, принимает образ той или иной птицы, преимущественно белого голубя или черного ворона» [Афанасьев 1995, 112]. По народным представлениям, именно птицы «выступают посредниками между небом и землей» [Белова, Плотникова 1995, 380]. Подобное значение образа-символа птицы подтверждают многие поверья, обряды, предания и легенды славянских народов. Например, «кашубы твердо убеждены, что души усопших до погребения оставленных ими тел сидят в образе птиц на дымовых трубах и что детские души бывают одеты нежным пухом. В уездах Мосальском и Жиздринском в течение шести недель после чьей-либо смерти стелют на окно белое полотенце, выпуская один конец на улицу, а на полотенце кладут хлеб и верят, что душа покойника есть та самая птица, которая станет прилетать к окну и клевать положенный хлеб» [Там же, 112].

Такое восприятие птицы, свойственное народному сознанию, не раз воспроизводилось в художественных произведениях. Вспоминается фильм Михаила Калатозова «Летят журавли», созданный по мотивам пьесы Виктора Розова «Вечно живые» в 1957 г. Стихотворение Рубцова написано на несколько лет позже. Не продолжает ли оно ту же самую тему, дополняя и развивая ее?

Действие фильма разворачивается до, во время и после Великой Отечественной войны, и образ летящих в небе журавлей — один из ключевых. Вбирая в себя души усопших, журавли воплощают непрекращающуюся связь поколений; сближают, соединяя, землю и небо, живых и мертвых. И не случаен текст шутильной песенки, которую исполняет героиня пьесы Вероника:

Журавлики-кораблики
Летят под небесами,
И серые, и белые,
И с длинными носами. <...>

Журавлики-кораблики
Лягушек увидали,
Спустились, селились
И тыщи их пожрала.

Журавли пребывают одновременно и на небе, по которому летят, и на земле, куда опускаются, и, таким образом, «совершенно очевидно, что шутовская песенка заключает в себе первоначальный толчок не только к образу печальной птицы — символа солдатской души, удалившейся в иные пределы, но и к образу неказистой болотистой земли, в которую упал смертельно раненый Борис и которая приняла тела невообразимого числа воинов» [Молчанова 2005, 23]. Подобные образы послужили толчком к появлению знаменитой песни «Журавли» Яна Френкеля на стихи Расула Гамзатова в переводе Наума Гребнева:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Николай Рубцов жил и творил в то время, когда память военных лет была еще особенно острой, когда боль утраты ощущалась каждой семьей, постоянно напоминала о себе не только через письма и фотографии, но и непосредственно — через свидетельства и воспоминания участников. Сам Рубцов стал сиротой в раннем детстве: в начале войны умерла мать, Александра Михайловна, а отец, Михаил Андрианович, ушел на фронт и к детям уже не вернулся. Эта тема — тема смерти, войны, и тема жизни, что ищет себе смысла и опоры, — постоянно будет развиваться в его творчестве, обретая всё новые образы и смыслы.

Журавль — душа усопшего, его прощальный зов. Такое понимание птицы свойственно не только древнему мифологическому сознанию, но и сознанию современного человека, что свидетельствует о целостности «фольклорной матрицы». Простой полет журавлей — уже событие, и необычное.

Словно продолжением стихотворения, его своеобразной интерпретацией является рассказ основателя московского Музея Н. Рубцова М. А. Полётовой: «Это произошло 27 марта 2006 года. Жена Попова Николая Васильевича — Ольга Николаевна с сыном шли в военкомат по улице Вавилова, <...> Ольга Николаевна подняла голову —

и увидела в небе над этим зданием (музеем Н. Рубцова) журавлиный клин. Одна линия клина была короче другой. Известно, что журавли над Москвой почти никогда не летают. Будто сама Душа Поэта ликовала в этот юбилейный год, пролетая журавлиным клином над рубцовским музеем» [Полётова 2008, 335].

Журавли появляются в середине осени, в период увядания природы. Какова же их роль? Журавли зовут, будят и возвещают «предназначенный срок увяданья». Их весть сродни словам, запечатленным в древних библейских сказаниях. В первом варианте стихотворения сохранилась отсылка к библейской истории: «сказание библейских страниц», — и позже эпитет «библейских» был замещен эпитетом «древних»; «срок увядания» летящие журавли возвещают подобно «древним страницам». Можно предположить, что замена «библейских» страниц на «древние» была вынужденной. Редакторами правились и другие стихи поэта. Слова, несущие в себе христианский смысл, вычеркивались и заменялись общими фразами нейтрального значения. Слова «Крест», «Пасха», как правило, опускались, а слово «Бог» заменялось словом «жизнь», как, например, в стихотворении «Выпал снег...». Н. А. Старичкова вспоминает, как Рубцов однажды процитировал строки из опубликованного стихотворения «Выпал снег...»: «Жизнь порой врачует душу... Ну и ладно! И добро». «Жизнь! Это не то, — сказал Рубцов. — У меня здесь — Бог. “Бог порой врачует душу”. Но я заменил: так ведь не напечатает. Пусть будет — жизнь» [Панова 2008, 17].

Итак, пролетая, журавли возвещают предназначенный срок увяданья, возвещают не от себя лично, а «как сказание древних страниц».

Вестников из «иногосударства», из вечности — журавлей — на земле ждут и принимают: «Отворите скорее ворота! / Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!» Журавли «широко по Руси» возвещают «предназначенный срок увяданья». И люди, как бы воспринимая их настроение, тоже машут руками широко.

«Отворите скорее ворота! / Выходите скорей...»; «Широко по Руси машут птицам» — все эти решительные экспрессивные действия характеризуют душевное состояние человека, пребывающего на земле. Это тоже, наравне с забытостью, обездоленностью, утратой, принадлежащим болоту и полю, характеристике земли. Но только воля и решимость отворить ворота, выйти за пределы земных представлений и переживаний, широко распахнуть руки навстречу небесному и вечному проявляются как отклик на призыв журавлей, отклик, порожденный посланным с небес журавлиным криком.

Сравнивая первый вариант стихотворения с последним, мы увидим, как меняется в нем соотношение земного и небесного. В первом варианте люди проявляют лишь отстраненный интерес к посланцам из мира вечности — журавлям. Люди здесь лишь сторонние наблюдатели. К журавлям обращены прощально поднятые руки: «Широко по Руси машут птицам прощальные руки». И журавли здесь названы «высокими»: «Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих». Во втором варианте стихотворения люди из сторонних наблюдателей превращаются в участников встречи. «Прощально» поднятые руки меняются на «согласные»: «Широко по Руси машут птицам согласные руки»; журавли из «высоких» путников становятся «любимцами»: «Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих».

Таким образом проводится мысль о стремлении к неразрывности, синтезу земного и смертного — с высшим и вечным, а подобное соединение характерно для русского народного национального сознания.

В стихотворении Н. Рубцова это соединение раскрывается через композиционный прием фольклорной лирики — психологический параллелизм, в основе которого лежит принцип аналогии между миром природы и внутренним миром человека. Психологический параллелизм, по определению Веселовского, — это «искание созвучий, искание человека в природе» [Веселовский 2008, 199], и поиск таких созвучий оказывается в стихотворении ключевой творческой установкой. Жу-

равли — часть природы. Своим полетом и прощальным криком они свидетельствуют о наступлении осени, в этом — основная их художественная роль. В то же время образ журавлей содержит в себе сложившиеся представления народа о неразрывной связи поколений, живущих на земле и перешедших в иной мир, передает состояние народной души. Природа и душа — два этих понятия оказываются слитными, нераздельными и цельными.

Журавлей ждут и встречают, потому что они воплощают звуки мира:

И забытость болот, и утраты знобящих
полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные
звуки,
Далеко разгласит улетающий плач
журавлей...

И одновременно передают волнения, боль и страдания человеческой души:

Все, что есть на душе, до конца выражает
рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных
птиц.

Причем вся гамма чувств, по представлениям Н. Рубцова, выражается не столько словом или законченной мыслью, сколько звуком:

Вот замолкли — и вновь сиротеет душа
и природа...

Вспомним, что главное для Рубцова, как заметил он в письме к Яшину, — это богатство переживаний и настроений, что не зависит от человека, от его желания. Человеческие чувства скорее подобны журавлям, которые появляются в определенный срок и которых скорее надо встречать, пока еще летят они над забытыми полями и болотами. Встречать, вслушиваться, принимать душой. И молчать, когда такого знака свыше, небесного указания — летящих журавлей — уже нет.

Вот замолкли — и вновь сиротеет душа
и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж
не выразит их...

Таким образом, в стихотворении «Журавли» мы видим пространство земное, исполненное забытостью и помрачением, и пространство небесное, которое содержит в себе память и вечное время. Поля, болота — всё это можно назвать одним словом — природа — и отнести к пространству земли; а душа — как явление иного, духовного порядка, принадлежит небу, вечности.

Пролетающие журавли оживляют земное пространство и хотя бы на время наполняют его смыслом. Они словно разрушают казавшуюся непреодолимой границу между земным и небесным. Благодаря им мир становится единым и цельным. Земные действия людей, переданные в словах: «Широко по Руси машут птицам согласные руки», «Отворите скорее ворота!», «Выходите скорей», — выражают их желание преодолеть земное пространство, стремление к небу. И именно на этом этапе, в подобном взаимодействии земли и неба, можно говорить о третьей онтологической сфере пространства, которую мы пока не упомянули и которую невозможно причислить ни к области звучащего неба, ни к области оставленных болот и полей земли. Это Русь.

В письме к А. Я. Яшину (25 сентября 1964 г.) Рубцов рассказывает, как живет в с. Никольском. Кажется, реалии «Журавлей» взяты из жизни, из окружающей поэта родной природы. А еще потому нахожусь именно здесь (в селе Никольском), что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле. Много раз ходил на болото» [Рубцов 2000]. Но в поэзии Н. Рубцова образ Руси создают не столько конкретные места, города и деревни, со своим особым, традиционным бытом, сколько само духовное стремление к «цельности», к единству земного и небесного:

Широко по Руси машут птицам согласные
руки.

Русь — широкая, бесконечная, вмещает в себя не только настоящее, но и прошлое, память об ушедших из этого мира и живущих в другом.

За всем этим стоит глубокий смысл, познавая который мы познаем одновременно и особенности народного мышления, народного сознания.

Литература

Афанасьев 1995 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. Т. 3. М., 1995.

Белова, Плотникова 1995 — *Белова О. В., Плотникова А. А.* Небо // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 1995. С. 376—380.

Веселовский 2008 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 2008.

Гамзатов 1991 — *Гамзатов Г. Г.* Писатель и устнопоэтическая традиция (проблемы и суждения) // Фольклор в современном мире: аспекты и пути исследования. М., 1991. С. 122—129.

Даль 1989 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989.

Зуева, Кирдан 2002 — *Зуева Т. В., Кирдан Б. П.* Русский фольклор: учебник. М., 2002.

Молчанова 2005 — *Молчанова С. В.* Памятник до неба // Русская речь. 2005. № 15. С. 22—26.

Налепин 2009 — *Налепин А. Л.* Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX—XX столетиях. М. 2009.

Панова — *Панова И. Г.* Заметки о поэзии Николая Рубцова. М., 2008.

Полётова 2008 — *Полётова М. А.* Пусть душа останется чиста... Н. Рубцов. Малоизвестные факты биографии. М., 2008.

Рубцов 2006 — *Рубцов Н. М.* Сочинения. М., 2006.

Рубцов 2000 — *Рубцов Н. М.* Собрание сочинений / сост. В. Зинченко. М., 2000. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/sob/rub/tsov/15.htm>

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Болото // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 228.

Summary. *The article explores the role of spatial and temporal patterns of folklore in the poem “Cranes” by N. Rubtsov. We show how the desire for continuity, the synthesis of earthly, heavenly, temporary, transient, and eternal is embodied in images typical for Russian national consciousness.*

Key words: *folklorism, folkloric image, Russian poetry, national mentality, psychological parallelism, a fairy tale.*